

Мargarита
СОСНИЦКАЯ

Московская область

Блистательней
легенды

рассказ

Когда я учился на первых курсах, вся земля наполнилась слухами об Авроре Северовой (в жизни её звали, конечно, по-другому), новой преподавательнице по сравнительному языкознанию. Говорили, что ей не место в нашем институте, в его тесных аудиториях, при вечной нехватке фондов и кулуарных передрыгах. Место ей на киноэкранах, в пронзительных романтических картинах, в которых почему-то в одежке королей стали все больше показывать смазливых лавочниц и проныр, а не звезд. Но какими регалиями звезды ни окружи колбасницу, сиять она от этого не будет. А Северова сияла. Говорили, что она сияла так, что аудитория замолкала при её появлении, а после окончания лекции, отличавшейся математичностью изложения, аплодировала до боли в ладонях. Не за математичность, а за это сияние, или, может, под его воздействием.

Особенно нашумела одна история. Аврора Северова задала вопрос. Встал студент и при всем народе, при аудитории в сто двадцать человек, объяснился ей в любви.

— Когда вы впервые вошли в этот старый зал, он озарился мягким светом и свершилась сказка. Помните историю о прекрасной фее в венце из хрусталя, которая спускается с неба на тонком месяце, как на качели, и садится у изголовья ребенка, едва он закроет глаза, и рассказывает ему сказку? Но если он откроет глаза, фея сразу исчезает, потому что ее можно видеть только с закрытыми глазами. И я видел эту прекрасную Фею-сказку. Она была одета в платье из лунного света, осыпанное звездами, а лицо её было нежнее чайной розы, на котором розовыми лепестками рдели щеки и розово-альми рот. Месяц иногда превращался в ладью, и она плыла на ней по ночному небу, а за спиной развевалось прозрачное покрывало, тоже сотканное из лунного света.

Я вырос и сказку эту забыл. Но когда увидел вас, она вдруг ожила и я понял: вот она, Фея-сказка, и вот какие она рассказывает сказки. И что мне теперь делать?!

Аврора улыбнулась ему своей рассветной улыбкой:

— Не открывать глаза. Садитесь, молодой человек. Вы рассказали нам прекрасную сказку. Спасибо!

И продолжила лекцию.

Потом мне подвернулось перспективное место, и я вынужден был отставить учебу, как я думал, на год. Индюк тоже думал: мой суп варился десять лет, пролетевших в одно мгновение. Как сильно меняется качество времени с его прохождением. Я так и не доучился до курса по сравнительному языкознанию и даже случайно, в кулуарах и коридорах не повидав притчу во языцех Аврору Северову. Но вот зыбучие пески карьеры устоялись, я утвердился на этом, будь оно неладно, перспективном месте; что и говорить, свобода — это добровольный выбор рабства, — и решил довести до конца высшее образование. Да и диплом понадобился.

Перед началом лекции по языкознанию все говорили об Авроре Северовой — я будто окунулся во времена моей промелькнувшей первой молодости; говорили, что никто из её студентов не получал балла ниже высшего, и не потому, что она давала поблажки, а потому, что излагала предмет настолько ясно и просто, что нельзя было забыть его, как нельзя забыть то, как зажигается спичка. Хотя, если вдуматься, сколько работы потрачено на изготовление спички: от рубки леса до фосфорной смеси для головки.

Говорили еще, что какой-то студент по милости Авроры, вернее по милости *milosci*¹, попал в сумасшедший дом. Его выпустили, он снова стал посещать лекции Северовой, уже вольнослушателем, и потом исчез. Да и не один он — такой студент. Северова — не женщина, а колдунья, она превращает людей в лунатиков. Час от часу не легче: то фея, то колдунья.

Я слушал все это с большой дозой иронии. Лунатиками делает людей Луна, а Северову все называли звездой. За эти годы она должна была постареть, утратить львиную долю блеска; не могла же она в таком случае превратиться из маленькой звезды в планету!

И вот дверь открылась.

То, что я увидел, заставило меня встать. Именно не «кто», а «что», — ибо вошло явление. Я содрогнулся от того, какими тусклыми личностями пестрит мировой экран...

После лекции я никак не мог вернуться к действительности, как это бывает после долгого вояжа в какую-либо немислимую страну, Бирму или на Тибет. Меня не покидал образ

Авроры, её голос, манера говорить. И вдруг до боли стало понятно, что годы, прошедшие без неё, в смысле её образа, — потерянное впустую время. Ведь я мог сделать открытие еще тогда, более десяти лет назад, в другой жизни, когда был много моложе и свободнее. Тогда, может быть, я не потерялся бы в зыбучих песках карьеры, со мной произошла бы какая-то чудодейственная метаморфоза, и я прожил бы другую, не пустую рутинную жизнь бюрократа. А теперь? Что делать теперь?!

Я очутился в студенческом кафе, взял кельтской воды² и рухнул за столик. Хотел выпить, да виски мне выплеснулось в лицо: когда поднёс стакан к губам, кто-то хлопнул меня по плечу:

— Здорово, старина!

Это был мой экс-однокурсник первого институтского захода. После шумных излиятий чувств и новостей мы перешли к возлияниям. После первого стакана он крикнул:

— Ты всё же... не в себе!

Я оценил его наблюдательность и решил поделиться своими потрясениями:

— Знаешь, я начал сегодня курс по сравнительному языкознанию.

Приятель осушил полстакана одним махом:

— Понятно, по компаративной глотологии. Навстречу утренней Авроре звездой Севера явись, — и закрыл лицо руками. Долго молчал. Вдохнул, что свойственно скорее слабому полу, и признался: — Я тоже здесь из-за неё. Пришел взглянуть... на расстоянии. Так и полагается смотреть на звезду. Бред, бред!

И он поведал свою историю.

— Это началось ещё тогда, когда мы с тобой сели на одну скамью, благо, не подсудимых. Но она стала для меня судной. Я потерял голову. И думал, что потерял её один — вот уж где потерял. Но я молчал, держался... иной раз закусывал карандаш, чтоб не кричать, как при операции без анестезии... Но что кричать? Люблю?! Дорогая?! Свет очей?! Чушь! Пустые, избитые слова, ни на унцию не выражающие того водоворота судорог? страстей?, что закрутился у меня внутри и меня же засасывал в черную бездонную воронку. Кричать я мог только как подстрелен-

¹ Любви (*польск.*)

² Виски — вода (*гаэльск. яз.*)

ный медведь... или вправду как при ампутации без анестезии. Но я молчал, уходил и молчал.

Но однажды после весенних каникул, распутицы, неувязки транспорта на лекцию Авроры Северовой пришло всего несколько человек. Она не стала переходить к новой теме, а попросила нас прочитать примеры из её книги. Книга пошла по рукам, а Северова подходила к каждому, кто читал, и следила за текстом из-за спины. Она склонилась над моим плечом и шевелила губами вслед за чтением. Впервые она оказалась так близко, я видел жилки на ее шее, волоски вокруг прически, почти ощущал мягкость и вкус её губ, запах и тепло. Точнее, запаха не было, а какой-то легкий пряный ветер... духов, с привкусом опиума. Мне стоило бешеного усилия, чтоб не броситься, не задушить её в объятиях, шум в ушах заглушал голос рассудка, но я выдержал... до конца лекции. А после догнал её и сказал, что нам надо поговорить по очень важному делу. Мы устроились в скверике на скамейке. И я сделал ей предложение. Рассудок все-таки не выдержал. И знаешь, что она мне ответила?

«Молодой человек, у меня есть железное, даже золотое правило — никаких романов на работе. Вам ещё сколько осталось учиться? Год? Вот и поговорим через год». Похвалила моё чтение, на том все и кончилось. А ровно через год... моих ожиданий и мук... она исчезла из института. И я не мог дознаться, куда, зачем, на сколько. Я запил, загулял, женился на барышне, у которой откуда ни возьмись через девять месяцев родился ребенок... — и тут появилась Аврора. Оказывается, она уезжала в заграничную командировку. А мое семейное положение уже не было *tabula rasa*; про её положение я до сих пор не имею ни малейшего понятия. Я ретировался. Но сколько волка ни корми, он в лес смотрит. Вот и я, вот и я опять здесь, смотрю в лес — на Аврору, — он допил остаток виски.— Но и ты, вижу, в новобранцах в её невидимых сетях.

Мы распрощались; и меня снова охватило болезненное ощущение потерянного времени. Но что бы случилось, если бы тогда, десять лет назад, я увидел ее? Что изменилось бы? Ведь влюблены в неё были все. Что для неё мог представлять я? Паж из свиты? Но не в том была собака зарыта. Не в том, что я для нее, а

в том, что она для меня. Это я потерял десяток лет опыта любить, который научил бы особой человечности, состраданию, придал бы моему насекомому существованию карьериста ореол пафоса, мистики. Это преобразило бы меня, и я находился бы о сю пору где-нибудь на Таити, как Поль Гоген, создавая мощные полотна — порождение великого, загадочного чувства. Чувство это — реакция на харизму поразительного явления, существа, женщины... или прав был тот умалишенный, феи-сказки.

...Однажды я догнал её на улице, хотел спросить... о! я столько хотел спросить у неё, столько сказать, но сбился, забылся и спросил вовсе не то, что хотел.

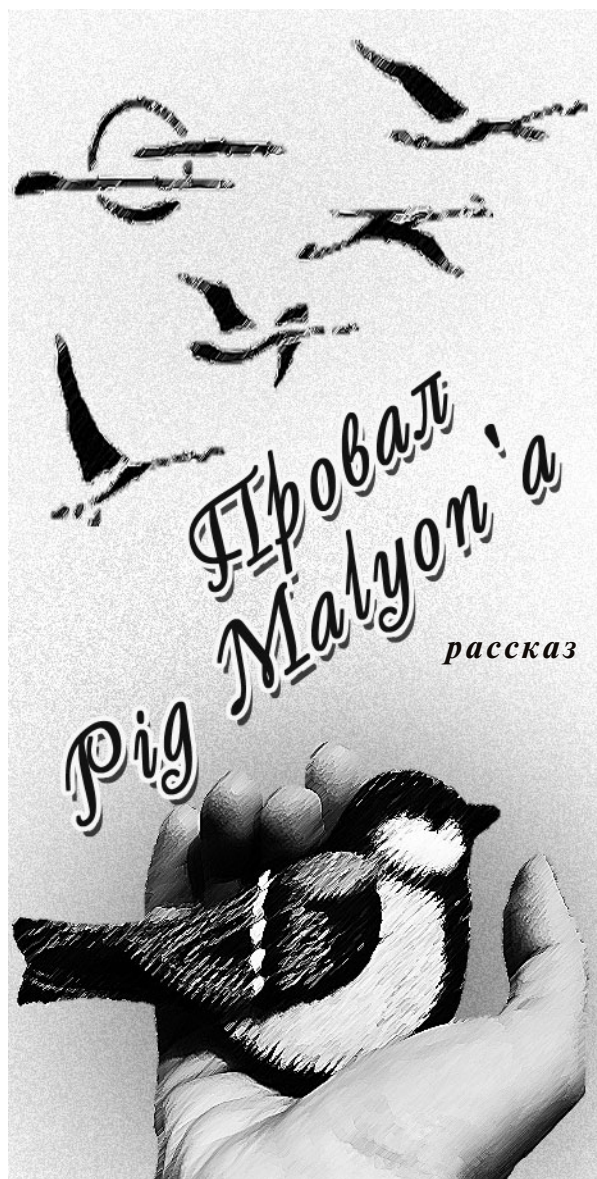
— Скажите, почему вы — звезда, истинная великая звезда, вы не на экране, а здесь, в этом... всего-навсего учреждении. Вас видят многие, но взойди вы на экран, вас увидел бы мир!

Она улыбнулась. Будто росинка сверкнула на солнце:

— Не скажите. Для этого нужно взойти на экран в Америке. А мы с вами далеко не в Америке. И потом, я истинная звезда. А значит, хрупкая, утонченная, нежная, с понятиями о чести и благородстве, которые являются природными свойствами звезды, и она не станет толкаться локтями, заводить сомнительные знакомства и прибегать к любым средствам, лишь бы пробиться на экран, подобно тем, кто звездами не являются. Истинной звезде это не надобно. Она и без того звезда. Если миновали времена, когда тучи расступались перед ней, то увольте меня от стрельбы по этим тучам из пушек. Моё дело — взойти и сиять. Кто видит, тот видит. Того согреет и озарит моё сияние. Ему оно нужно больше, чем мне. Собственно, сияю для других... Почему же я должна за это бороться, да еще поступаясь качествами звезды в угоду правилам современной борьбы?

Взгляд ее обратился к небу и застыл, будто она увидела там нечто невиданное, не менее чем пятку Господа Бога. И что же оно, это невиданное? Я запрокинул голову: ну, погожий день, почти безоблачный, из облаков соткалось подобие реющего полупрозрачного покрывала.

Я обернулся показать его Авроре, — а она исчезла. Как истинная звезда.

рассказ

Неожиданно Краснопольцева оказалась в положении Золушки. В пятьдесят пять лет — это в самом деле неожиданно. Пятьдесят пять, из которых более тридцати беззаветного служения культуре и просвещению, служения, в обмен на которое культура и просвещение уготовили ей полуголодную беспросветную старость.

На пять дней прилетел из Норильска муж племянницы, взял в аэропорту напрокат новенький Pig Maluon, а через день ему приш-

лось отлучиться по делам на двое суток. Так Краснопольцева неожиданно-негаданно оказалась хозяйкой только сошедшей с конвейера иномарки со всеми ультрамодерными ухищрениями: навигатором, телевизором, выдвижным боковым зеркалом, да и ретрокомфорт в нём не был списан на свалку времени: кондиционер, радио, и прежде всего откидной верх. Автомобиль должен был пылиться в гараже у Краснопольцевой, пока её кровные «Жигули» принимали водно-воздушные ванны под открытым небом. Но тяжёленький ключ с дистанционным управлением лежал в ладони как золотой слиток и бередил фантазию. Тут же пришёл на ум рассказ Тэффи — ох уж этот литературный менталитет! — история о кокетливой шляпке (или это был воротничок?), которая потребовала от своей хозяйки сначала блузку под стать, затем диван, ну и так далее. Краснопольцева вывернула наизнанку свой гардероб, единственный вещдок ушедшей молодости, оделась как великосветская, слегка винтажная дама, подкрасившись тщательно, но в меру: в её годы неразумно утяжелять черты избытком косметики, надела лучшие единственные туфли (всё это надиктовал Pig Maluon), открыла гараж и нажала кнопку на ключе, дверца послушно щёлкнула в ответ, тяжёлая дверца, явно бронированная, Краснопольцева не без усилия открыла её и села за руль.

— Ха-ха-ха! — это единственное, что могло выразить восторг Краснопольцевой. — Ха-ха-ха!!!

Салон кожаный, пахнет маняще-дразняще, возрождая некую радость жизни, тёплую и щекоющую в тупике подреберья, то есть в зените солнечного сплетения. Краснопольцева нажала кнопку радио, и музыка, подло американская, но приятная, растворяющая в своих накатах, наводнила салон, претворив его в аквариум, в котором была счастливая, не иначе как золотая рыбка — по крайней мере Краснопольцева ощущала себя ею.

Она не видела лиц досужих соседей, по обыкновению коротавших время на скамейке, но крыльями почувствовала, как у них вытянулись лица, когда она проехала мимо. Краснопольцева не сдержала улыбку, но тут же укорила себя: не слишком ли путано — и золо-

тая рыбка, и крылья? Но у неё действительно прорезались крылья там, где выступают лопатки. Обычно они спрятаны, как шасси самолёта, но иногда, при взлёте, выпускаются наружу. Правда, всё реже... И сегодня — редкий день, редкостный!

Краснопольцева выехала на бульвар, нажала кнопку, и крыша салона уехала в задний багажник. Ветер вспенил на груди автобильстки шелковый шарф и стал играть им за спиной. «Вот они — крылья!» — обрадовалась она. — Ведь впервые еду в открытом автомобиле! Ах! Чем не Айседора Дункан!

И если для того, чтобы расправились крылья, нужен такой Pig Malyon, то, значит, он есть благо! И не только то благо, которое помогает решить житейско-бытовые трудности, но и создающее душевный комфорт. Впрочем, комфорт и есть следствие избавления от трудностей. Краснопольцевой душевный комфорт всегда приносили музыка, поэзия, хорошая книга или фильм, но в последнее время, когда пришлось ездить в кардиологический центр, а «Жигули» без конца ломались и в метро делалось дурно с сердцем, поэзия, музыка меркли, отступали, бессильные создать необходимый для ровного дыхания комфорт. Да и не комфорт это вовсе, а минимальное условие выживания, необходимое в век прогресса, создавшего расстояния в повседневной жизни. Ведь раньше человек повсюду в быту мог дойти пешком. Неужели она не заслужила этого минимального условия десятилетиями полной бескорыстной, почти подвижнической самоотдачи делу?! Или отслужила и милости просим на свалку? Ха-ха-ха.

Впрочем, не надо сегодня о мрачном. На целых два дня она — Золушка на золотой карете. В сказке время истекало в полночь, а у неё впереди две полночи, и даже с хвостиком. Краснопольцева каталась, каталась по городу, ибо только таким образом могла вкушать своё счастье. Заезжала во всякие места, где можно с помпой сделать незначительные покупки, приобретала даже что-то ненужное, лишь бы оправдать маршрут. Это автомобиль вопиет. Он требует своего. И всё ждала-ждала, как в осьмнадцать лет, что вот-вот свершится какое-то чудо и Pig Malyon останется при ней.

Ведь когда её время истечёт, у неё не будет никакой хрустальной туфельки и никакой принц не пустится на её поиски. Ни принц и никто. Но всё-таки! А вдруг! Или зря она всю жизнь жила в ожидании чуда?!

Но чудо оно на то и чудо, чтобы удивить. К концу следующего дня Краснопольцева устала от напряжения, в котором её держал Pig Malyon. Он требовал невозможного: остановиться у ресторана «Прага», тут же подоспеет швейцар, с поклоном откроет дверцу — честь по Pig Malyon'у, — но что делать Краснопольцевой? Выйти, однако ж весь её отдающий нафталином туалет не тянет на «Прагу», а тем более не тянет бумажник на обед в сём заведении из хрестоматии роскоши. А помнится, во времена студенчества на символическую стипендию она захаживала сюда с компанией на обед и даже на ужин...

Кроме того, её стал одолевать страх поцарапать или, чего доброго, помять сей автомобиль класса лорд или принц. И тогда что? Продавай, гражданка Краснопольцева, свои двухкомнатные апартаменты, чтобы возместить ущерб?

Одним словом, когда утром третьего дня Краснопольцева подбросила ключи от Pig Malyon'a племяннику: «Лови!» и он ловко поймал их, она облегченно вздохнула. Покой и благодать вернулись ей. Они-то, покой и благодать, и были хрустальной туфелькой Краснопольцевой. Теперь она была беспредельно довольна тем, что имела, ничем не рисковала, ничего не ждала, не боялась. А в её постной старости всё-таки будет тёплый уголок, да и какую-либо добрую душу можно будет приютить, сдав другую комнату. И будет куда взять кошку. Да и кусочек колбаски для Мурки-Маркизки найдётся. Pig Malyon мог всего этого лишиться.

Наконец аист жизни посетил род Турковых-Истоминых и принёс им солнышко ясное – внучку.

Три месяца от роду её решили крестить, и на крестины сошлась вся ближайшая родня – человек двенадцать. Во главе родни стояла бабушка новорожденной – бывшая балерина театра оперы и балета, Елизавета Сергеевна, и дед – почётный и почтенный директор того же театра, на протяжении трех десятилетий его бессменный Зевс-громовержец Варфоломей Елизарович Турков-Истомин, обеспечивший всех членов семейства хлебными местами в подвластной ему структуре. Из посторонних на праздник были приглашены два человека: кум, сослуживец Туркова-Истомина-младшего, и кума – коллега его жены-модельерши, то есть крёстные отец и мать, без которых никакие крестины не состоятся.

Варфоломей Елизарович в церковь не поехал по состоянию здоровья. Легко ли часа два на ногах без отдыха? И он полусидел, вытянув ноги на диване, что-то перелистывал и потягивал безалкогольный напиток. На кухне и вокруг стола суетились родственницы, стол блистал льняной скатертью, хрусталем и фарфором. Центральная полоса на нем заполнялась салатницами и блюдами разных вкусов. Варфоломей Елизарович привык, что вокруг него всегда вьются, что жизнь его ежедневный праздник, и немного скучал, не предвкушая ничего, выходящего из ряда.

Но вот послышался стук железной двери лифта, оживлённые голоса, и в квартиру ввалила толпа народу, а для городской квартиры, пусть просторной и улучшенной планировки, десяток человек – это уже толпа. Все подходили к Варфоломею Елизаровичу, раскланивались, спрашивались о здоровье, внучку поднесли на благословение. Но когда в гостиную вошла крестная – статная, совсем молодая женщина, сияю-

щая дикой, необузданной молодостью и здоровьем, Варфоломей Елизарович как-то поособому изогнулся и встал с дивана.

– Наташа! – кликнул он дочку. – Представь.

– Кхы-кхы, – расставила значительное многоточие Наташа, – а это моя кума Елена.

– Эле-е-е-на, – протянул Турков-Истомин, задержав её ручку в своей руке. – Всего одна буква иная, а какой шарм-с-с-самородок!

Елизавета Сергеевна, видевшая сцену, занервничала, но виду не подала. Впрочем, кто её знал, тот знал и то, что если она не подает виду, то, значит, занервничала не на шутку. О, она хорошо знала, что такое прощать дежурные влюбленности неутомимого дамского угодника Варфоломея Елизаровича. Она сама, вернее судьба её, была плодом этого дамского угодничества. Страшное оружие – дамское угодничество: поливальный шланг, если он направлен на тебя как на цветник, ты распускаешься всеми цветами, и вынешь, если струя его переметнулась на соседнюю клумбу. Конечно, и другим цвести надо. Но и её цветник нельзя забывать поливать! А он забывал. Эта забывчивость превращалась в тиранство. А Елизавета Сергеевна, Лиза Колокольцева, прима балерина столичного театра, пожертвовала для Туркова-Истомина всем: аплодисментами, обожанием поклонников, корзинами цветов в гримёрной, сценой, наконец молодостью, красотой, балетом!!! Нарожала ему, потёртому ловеласу, детей, он не мог на ней не жениться; впрочем, он сам того искал, какие безумства только ни творил ради того, чтоб она не отглаткивала его балетной ножкой, а приковал к пелёнкам, загонял от таза до кастрюльки и стал засматриваться на дебютанток. О-о-о! Но в последние годы Турков-Истомин сдал, обрюзг, остепенился, к женщинам будто остыл, и Елизавета Сергеевна стала забывать свои терзания. Но сколько волка ни корми, он в лёс, матёрый зверь, смотрит. А вышла из лесу вот такая Елена, и бес в ребро!

Началось застолье.

Все члены семейства выказывали всевозможные знаки почтения Варфоломею Елизаровичу, он принимал их с ворчливым благодушием на грани между небрежностью и безразличием. Но пусть посмел бы кто не выказать этого почтения, ужо узнал бы удар молнии громовержца. Особенно усердствовал в выказывании чувств сын Туркова-Истомина, тоже Турков-Истомин, но уже Сергей Варфоломеевич, крупный розово-щекий мужчина с короткой окладистой светлорусой бородой. Он-то и поднял первый тост, конечно, не за виновницу торжества, милого ангела-малютку, а за праотца семейства Варфоломея Елизаровича, ну и соответственно за Елизавету Сергеевну. Второй тост был за малютку, но сколько говорилось о том, что трудами деда ей проложена дорога в будущее, устланная пурпурной дорожкой. А Варфоломей Елизарович всё слушал, да ел, да ещё на Элену поглядывал, впрочем, и пил, не пропуская ни одного тоста, до дна. Век живи, век себя не познаешь. Знал ли он, что и в свои восемь десятков он будет таким же мальчишкой, как когда ещё молоко на губах не обсохло?! Да, твердили о том все классики, о как на склоне наших лет мы любим... и любви все возрасты покорны... но то у них, а вот, оказывается, и у него, у Варфоломея Елизаровича! И как бы он узнал о том, не доживи до этих благословенных восьми десятков!

Но тут произошло непоправимое. Сергей Варфоломеевич, украдкой бросавший туманные взгляды на Элену с другого конца стола, поставил пластинку и под первые аккорды забытого танго пригласил Элену танцевать.

Варфоломей Елизарович чуть не поперхнулся. Как?! Покусился на его добычу? Да как смел?! Да кто таков?! Эдип!!!

Он встал, громыхнув стулом, но грохота за звуками танго никто не услышал. Он пошёл было на перехват дамы, да замер, любуясь ею.

Надо быть всегда одетой так, чтоб удобно и красиво было танцевать. И Элена была так одета. В лёгкое воздушное платье с широким ремнем на узкой талии. Она была молода, миловидна, прямые разбросанные по спине волосы превращали её раскованность в волю ветра, вздымающего на верёвках простыни, в стрелу птичьего каравана, уплывающего вдаль. Парт-

нёршей в танце она была идеальной — она была водой в реке: куда поворачивало русло, туда плыла и она, а возникали камни и пороги — она бурно неслась по ним, пенилась и клочкотала.

Варфоломей Елизарович опрокинул в горло стопку водки, поставил пластинку сначала и подошёл к танцующим. Больно сжал сына за плечо, тот возмущённо обернулся, но, увидев Туркова-Истомина-старшего, тесто, из которого сам вылеплен, потупился и отступил. Удивлённо взметнулись брови Элены. В следующее мгновение её уже увлекла за собой лавина по имени Варфоломей Елизарович Турков-Истомин.

Гостиная дочери для городской квартиры была большая, да для танго маленькая. Танго любит бальные залы и танцплощадки. Турков-Истомин, однако, был партнёром опытным и ловким, он вёл Элену в обход стульев, старинных этажерок и торшера, не задевая их; наоборот, стулья и тумбочки будто участвовали в рисунке танца. У дивана Турков-Истомин сделал даме поворот с выпадом и поймал её на лету, у самых подушек дивана, опустил свою голову в прорез её платья, а она запрокинула свою через его локоть, доставая волосами подушки. Затем молниеносный взлёт точно в такт музыке — и опять ломаный узор шагов в реликтовом лесу мебели.

Но как же была коротка пластинка! Танго заканчивалось, а Турков-Истомин уже стоял на посту перед проигрывателем — о это ретро 60-х, да разве молодость бывает ретро! — и заводил музыку сначала, снова и снова похищая Элену в заколдованное русло своего танца-обряда. Сергей Варфоломеевич стоял у окна и злорадно посасывал синий напиток.

Несколько раз танго возвращалось на круги своя; всех измучил, извёл повторяющийся катарсис-оргазм истоминской эйфории, не исключая Элену. Будь Турков-Истомин обычным юнцом-ухажером, которых она стряхивала с себя гроздьями, то легко бы поставила точку в этой сногшибательной гонке танго, но это был патриарх семейства, его гроза и опора, и она боялась прогневить его непочтением, а семейство и Сергея оскорбить неуважением к их прародителю. Чем Варфоломей Елизарович и пользовался, впрочем, не думая, что пользуется, а воспринимая как должное, пока не стало само семейство.

— Папа! У тебя же сердце!— взмолилась дочь.
 — Не мешайте, когда человеку хорошо! — протрубил тот победно.

— Слишком хорошо — тоже плохо!— резонно осёк его Сергей Варфоломеевич и с удовольствием садиста выключил, прямо на полутакте, проигрыватель.

— Ты что?! — чуть не упал разъяренный Турков-Истомин, но его подхватили под руки, усадили в кресло, подали прохладительного крюшону.

Элена хотела ускользнуть с семейного пира, грозившего превратиться в разборку, но куда там: Турков-Истомин-старший схватил её за руку и не отпускал. Так и держал — одной рукой её руку, бело-сахарную, другой стакан с красным газированным крюшоном, который он изредка отхлёбывал большими глотками, и от него красными делались его круто изломленные губы. Элена сдалась и присела на ручку кресла.

— Умница, — одобрил он её в головокружительном счастье. Отпил ещё крюшону и сделал ей ручкой, дескать, поди сюда.

Элена наклонилась, и неожиданно Варфоломей Елизарович оказался в шатре её медно-золотых волос, наполненном дразнящим запахом разгоряченного женского тела и пряных переигравших духов. Он хотел ей что-то сказать, даже пусть слова из классиков, нежней и суеверней... да запах этот волною перехватил дыханье, и Варфоломей Елизарович захрипел, уронил

крюшон, схватился за грудь. Крюшон уронил, стакан разбил, а руку Элены не отпустил.

— Папе плохо! — бодро крикнул Сергей Варфоломеевич.

Но к нему уже бежала Елизавета Сергеевна с каплями.

Приехала скорая. Руку Элены с трудом освободили из спянных на её запястье пальцев Варфоломея Елизаровича.

А он шёл с ней по ромашковому полю. Светило солнце, щебетали птицы. На Элене было длинное воздушное платье и фата. Она смеялась, но смеха он не слышал. Подхватил её на руки и понёс: да она же легкая, как балерина! И, взмахнув руками, как балерина в «Лебедином озере», она вырвалась и побежала по полю, невесомо, почти воспаряя. Он — за ней. Она — подбрасывая в воздух охапки ромашек, ромашки разлетались и медленно падали, будто снежные хлопья.

Варфоломей Елизарович уже не помнил, как его звали, да и зачем эта бюрократия человеку, лёгкому, прозрачному? Ему нужно догнать бегущую по ромашковому полю. То ли волосы, то ли фата касаются его лица, он пытается схватить, но рука проходит сквозь них, как сквозь облако. Свет, ослепительный свет заливает всё кругом, и какая легкость, и что за счастье!

Как никогда в жизни. □

Маргарита Станиславовна СОСНИЦКАЯ

родилась в Луганской области Украинской ССР.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Поэт, прозаик, публицист, переводчик.

Автор поэтических книг «Опиум отечества»,

«Молоко Жарь-птицы», «Молчание Кассандры»,

а также книг прозы, в числе которых роман «София и жизнь»

(«АСТ. Астрель», 2003), разножанровые сборники «Четки фортуны»

(«АСТ. Астрель», 2008), «Записки на обочине», «Трава под снегом»,

«Книга Притч» («Советский писатель», 2002, 2004 и 2008).

Публиковалась в журналах «Слово», «Москва», «Постскриптум»,

«Наш современник», «Юность», «Дон» и многих других.

Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе отмечена первой премией на Международном Лермонтовском конкурсе (2014).

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

